

Не так уж сложно было найти в интернете фотографии голых девушек, на которых было бы видно гораздо больше, чем сейчас у Натали, но разница, которую я почувствовал, увидев ее наяву, была днем и ночью. Мало того, она показывала себя мне. Мне. Намеренно. Хотя у нее явно были свои причины, я мог притвориться, что все это только ради меня.

Она посмотрела на меня.

Что?

Я понял, что мои губы скривились в непроизвольной ухмылке, и, честно говоря, я понял ее раздражение. Должно быть, ей показалось, что я смеюсь над ней.

"Мне жаль", - сказал я.

Похоже, я часто говорил ей это.

"Если тебе жаль, то почему ты все еще ухмыляешься?"

Я попытался стереть выражение со своего лица, но не смог. Я просто был слишком счастлив. Я сказал ей об этом.

Выражение ее лица смягчилось. "Тебе так понравилось?"

"Да! Тысячу раз да!"

"Почему?"

Я пожал плечами.

"Нет, правда", - сказала она. "Мне нужно знать".

"Я бы не...".

"Почему? Потому что это неловко?" - спросила она.

"Потому что я боюсь, что если я скажу тебе, что я чувствую, или почему, или скажу что-нибудь об этом, ты подумаешь, что я ужасный человек и отвратительный, выгонишь меня из своей квартиры, и мы больше никогда не увидимся".

Даже это было гораздо больше, чем я хотел бы с ней поделиться, но я чувствовал, что обязан это сделать, учитывая, как явно она была смущена своим обнажением. Мои слова, должно быть, задели ее за живое, потому что ее лицо полностью изменилось.

"Я понимаю твой страх. Очень, очень понимаю. Я разделяю его. Но что лучше, - сказала она, - быть поверхностно дружелюбными, но ни один из нас не знает ничего по-настоящему реального о другом, или быть честными и иметь шанс на то, что мы действительно что-то значим друг для друга?"

Честно говоря, на планете не было ни одного человека, который, как мне казалось, знал бы, кто я на самом деле, и я хотел бы иметь одного. Но это было страшно.

"Хорошо", - сказал я. "Но если ты начнешь смотреть на меня так, будто я собачья какашка на подошве твоего ботинка, я скажу тебе, что я же говорил".

Что касается угроз, то эта была довольно неудачной, и, зная это, я поспешил продолжить, прежде чем она успела что-то сказать. "Я не знаю, почему я чувствую то, что чувствую, но я думаю, что могу сказать тебе, что я чувствую".

Я сделал паузу на мгновение, чтобы собраться с мыслями. "Я никогда не играл в покер на раздевание, но я представляю себе это примерно так. Мой противник, очевидно, девушка, не так умна, как я, и не очень хорошо разбирается в игре. Она проигрывает игру за игрой. Сначала ее туфли и носки. Потом шорты. Она стоит и робко расстегивает их. Я вижу, что она пытается быть храброй, вести себя круто, но ее лицо краснеет. Она снимает их, обнажая белые трусики, и садится обратно. Потом рубашку. Она яростно краснеет, обнажая лифчик, и я думаю, что она собирается уйти прямо сейчас. Вместо этого она тасует карты, ее груди подпрыгивают, так как бюстгалтера недостаточно, чтобы сдерживать их. После проигрыша следующей раздачи она снова встает, явно собираясь снять лифчик, и я задаюсь вопросом, зачем она это делает. Она явно близка к тому, чтобы умереть от смущения. Ее лицо может зажечь свечу, настолько оно горячее, и она буквально дрожит. Ее лифчик, теперь уже расстегнутый, сползает вниз, и мой взгляд привлекают ее твердые соски. В комнате не холодно. Она замечает мой взгляд, и ее руки поднимаются вверх, чтобы прикрыться. Но она останавливается, не успев ничего скрыть, и просто замирает. Мои глаза впиваются в нее. Вся ее голая кожа прикрыта только маленькой парой белых трусиков, трусиков, на которых спереди растет мокрое пятно. Тогда я понимаю, почему она все еще играет. Она напугана и смущена, но она также возбуждена. Адреналин течет по ее венам. Она возбуждена, и когда она понимает, что я знаю, насколько она возбуждена, это заставляет ее еще больше смущаться, что почему-то еще больше возбуждает ее. Она стонет. И это сочетание уязвимости, смущения и возбуждения для меня является абсолютным определением сексуальности".

Я сдвинулся, мне стало тесно в штанах, и я уставился прямо в пол. "Мне уйти?"

Натали не ответила, и, в конце концов, мне пришлось поднять глаза. Когда я это сделал, то обнаружил, что ее лицо раскраснелось, а дыхание было тяжелее, чем я ожидал.

"Мне нравится идея, что кто-то может найти мое тело, найти меня, такую сексуальную, как ты только что описал", - сказала она.

Когда она не продолжила, я сказал: "Хорошо".

"Ты считаешь меня странной за то, что я хочу этого?"

"Конечно, нет!"

"Извращенкой? Странной? Ты вдруг захотел не иметь со мной ничего общего?"

"Нет", - сказал я. "И я понимаю, к чему ты клонишь. И я согласен. Ты имеешь полное право возбуждаться от того, что плывешь по течению, и я имею такое же право. Просто... я этого не чувствую, понимаешь?"

Натали сделала последнюю вещь в мире, которую я ожидал от нее. Она встала с кровати, прошла несколько шагов до дивана, села рядом со мной и обняла меня. "Между прочим, то, что ты мне сейчас сказал, было одной из самых горячих вещей, которые я когда-либо слышала, и, честно говоря, после того, как ты мне так открылся, я чувствую себя намного лучше в отношении того, что произойдет в ближайшем будущем".

Моя мама обнимала меня много раз. Женщины, которые были частью моей обширной семьи на встречах родственников и тому подобных мероприятиях, тоже. Я даже помню, как ходил с

подругой на церковную службу и обнаружил, что случайным незнакомцам совсем не странно обнимать меня. Но ничто из этого не было похоже на это.

Если отбросить потенциальную опасность конца света, мне было очень интересно узнать, что произойдет дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/1293/36615>